

ГОЛОСЪ РОССІИ

GOLOS ROSSII

Organ für russische demokratische Einigung.

Unter ständiger Mitwirkung von Paul Miljukow.
ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО КРОМЪ ПОНЕДѢЛЬНИКОВЪ.
При ближайшемъ участіи П. Н. МИЛЮКОВА.

Подписка принимается во всѣхъ почтовыхъ учрежд. Германіи и въ конторѣ газеты Берлинъ, Фридрихштрассе 204 Berlin SW Friedrichstr. 204.

Тел. конторы: Центрумъ 28-35.

Редакторы принимаютъ отъ 1—2 ч. Непринятая рукопись не возвращается по поводу ихъ редакция не вступаетъ ни въ какую переписку.

Адр. редакціи: Berlin SW Zimmerstr. 7-8. Тел. редакціи: Центрумъ 28-35.

Отдѣльн. № въ Германіи. 70 пф. Einzelpr. 70 Pf. in Deutschland.

Условія подписки: Съ доставкой въ Германію на 1 мѣс. М. 10.75, 3 мѣс. 32.25, 6 мѣс. 64.50; Испанія 1 мѣс. 3 пез., 3 мѣс. 7 пез., 6 мѣс. 12 пез.; Америка 1 мѣс. 1 м., 3 мѣс. 3 м., 6 мѣс. 6 м.; Японія 1 мѣс. 100 иен., 3 мѣс. 300 иен., 6 мѣс. 600 иен.; Англія 1 мѣс. 1 шилл., 3 мѣс. 3 шилл., 6 мѣс. 6 шилл.; Италия 1 мѣс. 10 лир., 3 мѣс. 30 лир., 6 мѣс. 60 лир.; Скандинавскія государства 1 мѣс. 2 1/2 кр., 3 мѣс. 6 кр.; Финляндію, Эстонію, Латвію, Литву, Польшу, Чехославію, Юго-Славію, Румынію, Болгарію и Турцію: 1 мѣс. 20 мар., 3 мѣс. 56 мар., 6 мѣс. 112 мар.; Франція и Бельгія 1 мѣс. 6 фр., 3 мѣс. 15 фр., 6 мѣс. 25 фр.; Швейцарія 1 мѣс. 3 фр., 3 мѣс. 7 фр., 6 мѣс. 12 фр.; Голландія 1 мѣс. 1 1/2 фл., 3 мѣс. 4 фл., 6 мѣс. 7 фл.; 7 фр.; Англія 1 мѣс. 2 1/2 шилл., 3 мѣс. 6 шилл., 6 мѣс. 10 шилл.; Италия 1 мѣс. 10 лир., 3 мѣс. 25 лир., 6 мѣс. 45 лир.; Скандинавскія государства 1 мѣс. 2 1/2 кр., 3 мѣс. 6 кр.

6 мѣс. 10 кр.; Испанія 1 мѣс. 3 пез., 3 мѣс. 7 пез., 6 мѣс. 12 пез.; Америка 1 мѣс. 1 м., 3 мѣс. 3 м., 6 мѣс. 6 м.; Японія 1 мѣс. 100 иен., 3 мѣс. 300 иен., 6 мѣс. 600 иен.; Англія 1 мѣс. 1 шилл., 3 мѣс. 3 шилл., 6 мѣс. 6 шилл.; Италия 1 мѣс. 10 лир., 3 мѣс. 30 лир., 6 мѣс. 60 лир.; Скандинавскія государства 1 мѣс. 2 1/2 кр., 3 мѣс. 6 кр.

Объявленія принимаются въ конторѣ. Однострочная строка непарели или занимаемое мѣсто 3 марки 50 пфенниг. За границей — 6 марокъ. При повтореніи скидка по тарифу. Для ищущихъ труда, скидка 50 процентовъ. — Въ случаѣ забастовокъ или другихъ отъ редакціи независящихъ обстоятельствъ, подписчики не вправе рассчитывать на возмѣщеніе убытковъ за недоставленные номера газеты.

Памяти Федора Михайловича Достоевскаго

30 октября 1821 г. — 30 октября 1921 г.

Достоевскій какъ мыслитель (Нъ столѣтію со дня его рожденія)

Значеніе Достоевскаго какъ религиозно-правительнаго философа до сихъ поръ еще недостаточно оцѣнено. Достоевскій, какъ гениальный писатель и психологъ, всецѣло заслонилъ Достоевскаго, какъ мыслителя. Быть можетъ теперь, къ столѣтію со дня его рожденія, настала уже попытка попытаться признать, по возможности, въ стройную и свѣдущую систему его религиозно-этическое ученіе, какъ бы вырванное въ его художественныя произведенія, особенно послѣднихъ періода.

Цѣнность философской или, точнѣе, культурно-философской позиціи Достоевскаго заключается какъ въ чрезвычайно оригинальной и сильной критикѣ современнаго научно-позитивистскаго міра — и живезозрѣнія, такъ и въ построеніи на разнищенномъ почвѣ своеобразнаго религиозно-этического ученія, которое, какъ будетъ показано ниже, въ свою очередь, является лишь развитіемъ основнаго мотива русскаго благочестія, русской набожности — именно мотива «любви», мотива «вѣрности», то есть стремленія морально слѣдовать за Богомъ и живезозрѣніемъ достигнуть индивиду, какъ его неразрѣшную часть (Ученіи старца Зосимы).

Съ началъ своей творческой дѣятельности Достоевскій, какъ извѣстно, былъ самъ пламеннымъ апостоломъ позитивной доктрины и базирующаго на немъ социально-этического ученія. Онъ до самой глубины извѣдалъ весь «любовь позитивизма», что не помѣшало ему, однако позже достигнуть всю его философскую несостоятельность, всю безпредѣльную духовную бѣдность и ограниченность этого мировоззрѣнія, окончательно сложившагося лишь во вторую половину XIX вѣка, какъ своего рода противоядіе метафизическимъ умозрѣніямъ и исканіямъ предшествовавшей эпохи.

Задолго о Ницше Достоевскій додумывалъ до послѣдняго логическаго конца основныя проблемы современнаго ему натуралистическаго и атеистическаго окрашеннаго позитивизма. Въ своихъ философскихъ романахъ («Братья Карамазовы», «Идиотъ», «Преступленіе и Наказаніе») онъ съ необычайной ясностью и силой, граничащей съ иконографическимъ положеніемъ, что современная альтернативно-демократическая мораль есть лишь обмирщенная этика христіанства, какъ бы оторванная отъ его метафизики, и, слѣдовательно, висящая въ воздухѣ, ибо вовсе не вытекаетъ изъ современнаго позитивистскаго мировоззрѣнія, — это положеніе задолго

до Ницше провозгласилъ Достоевскій устами своихъ героев. На языкѣ Достоевскаго оно облекалось, какъ извѣстно въ слѣдующую лаконичную формулу: «если отрицается Богъ, то невозможно никакое обоснованіе морали и, слѣдовательно, все позволено». Трагизмъ Ницше и его историческое значеніе и заключался въ томъ, что онъ «осмѣлился» атеистически-позитивистское мировоззрѣніе нашего времени и понятиемъ ужасающей послѣдовательностью примѣнить и къ области практической. Въ отлчіе отъ своихъ философскихъ современниковъ какъ напр., Спенсера и Гюйо, неправомѣрно пытавшихся вывести обмирщенную христіанскую этику (современную альтернативно-демократическую мораль) изъ теоретическаго натурализма и соответственно этому строившихъ систему биологически обоснованнаго альтруизма — въ противоположность имъ Ницше стремился создать этику чисто-натуралистическую, «этику силъ», инстинктъ послѣдовательно, по его мнѣнію, вытекающую изъ общаго теоретическаго ученія. Но если Ницше не суждено было перейти за грани атеистическаго позитивизма, если онъ не усмотрѣлъ до самаго конца своего философскаго творчества, что биологическое обоснованіе этики немислимо, что атеизмъ неизбежно ведетъ къ моральному нигилизму, то его антиподъ, Достоевскій, со священной ему психологической зоркостью и чуткостью, сравнительно рано позналъ всю недостаточность этой точки зрѣнія, всю неудовлетворительность ея для высшихъ (метафизическихъ) запросовъ нашей души. И соответственно этому вся его творческая дѣятельность, уже начиная съ «Записокъ изъ подполья» заключалась въ двойной задачѣ: въ разрушеніи господствующаго позитивистско-соціологическаго обоснованія морали и въ расчищеніи пути для ея религиозно-мистическаго обоснованія.

Бросая теперь бѣглый взоръ на его духовную эволюцію, чтобы выяснитъ конкретно, въ чемъ же заключалась его критика позитивистской морали, закончившаяся, какъ извѣстно, своеобразнымъ религиозно-этическимъ ученіемъ, которое онъ повѣдалъ намъ устами старца Зосимы и его ученика Алехи («Бр. Карамазовы»).

Раздѣлить на два качественно различныхъ періода: первый длится отъ опубликованія «Бѣдныхъ людей» до «Записокъ изъ подполья», второй — отъ «Записокъ изъ подполья» до знаменитой рѣчи о Пушкинѣ.

Въ первый періодъ своей литературной дѣятельности Достоевскій былъ ровностнымъ

поклонникомъ Шиллера, Жюль Зандъ и Гюго. Его симпатіи были всецѣло на сторонѣ такъ называемаго гуманизма. И даже больше того, онъ былъ тогда самымъ вѣрнымъ и преданнымъ ученикомъ Блдинскаго-соціалиста. Соответственно этому въ своихъ первыхъ произведеніяхъ онъ пламенно защищалъ естественныя права даже «послѣдняго человѣка».

Во второмъ періодѣ происходитъ критическій пересмотръ прежняго мировоззрѣнія и намѣчаются новые пути. «Записки изъ Подполья» являются какъ бы поворотнымъ пунктомъ въ творчествѣ Достоевскаго. Здѣсь впервые онъ подымаетъ бунтъ противъ морали позитивизма, противъ теоріи прогресса и противъ высшаго соціально-этического идеала: «наибольшее счастье наибольшаго числа людей». Онъ пламенно возстаетъ противъ теоріи «культурнаго удобренія», противъ самопожертвованія индивида интересамъ соціального цѣлаго во имя абсолютной цѣнности естественныхъ правъ всякой личности. Достоевскій не устаетъ требовать въ этомъ замѣчательномъ произведеніи глубочайшаго вниманія къ интересамъ конкретной личности и къ ея духовно-моральнымъ запросамъ. Онъ подымаетъ знамя возстанія противъ «этики любви къ дальнему» во имя «этики любви къ ближнему». Здѣсь впервые намѣчаются три основныя антитезы Достоевскаго, которыя красной нитью проходятъ черезъ все его дальнѣйшія произведенія, именно: противопоставленіе личности обществу, міру и Богу. «Подпольный герой» Достоевскаго не пріемлетъ соціального космоса, гдѣ прогрессъ осуществляется цѣною безчисленныхъ жертвъ; во имя своихъ абсолютныхъ правъ какъ личности онъ яростно протестуетъ противъ идеала грядущей «соціальной гармоніи», противъ «хрустальнаго царства», возвышеннаго соціально-позитивистской доктриной. Съ его точки зрѣнія счастье будущихъ поколѣній есть фикція, въ жертву которой неправомѣрно приносятся реальныя интересы конкретной живой личности. Короче, Достоевскій отвергаетъ здѣсь позитивистскую мораль съ ея идеаломъ всеобщаго счастья, какъ не считающуюся съ абсолютной моральной цѣнностью каждаго индивида, независимо отъ его общественной стоимости. Для Достоевскаго же судьба даже «самаго послѣдняго индивида» священна.

Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ демократическимъ словомъ иначе — съ демократической формой этического индивидуализма, воплощеннаго въ его «подпольномъ героѣ».

Этотъ послѣдній какъ бы начинаетъ линію «русскаго сверхчеловѣка». Достоевскій представилъ намъ его съ чрезвычайной четкостью и рельефностью въ лицѣ Раскольниковъ,

Ставрогина, Шатова, Кириллова и Ивана Карамазова. Все отбросивъ «русскаго сверхчеловѣка», обусловленно определенной социально-исторической обстановкой, зарисованы здѣсь рукой большого мастера, какъ бы интимно сливающагося со своими героями, съ ними личной трагедіей и судьбой. Но въ сущности говоря у Достоевскаго является лишь два типа сверхчеловѣка: одинъ, родоначальникомъ котораго является «подпольный человекъ», съ его демократическимъ бунтомъ за права всякой личности противъ общества, и другой — родоначальникомъ котораго является Раскольниковъ съ его аристократическимъ бунтомъ противъ общества уже за права личности исключительной. Въ первомъ случаѣ демократическая форма этического индивидуализма, во второмъ, — аристократическая.

Заслугой Достоевскаго является, что въ лицѣ Раскольника онъ изобразилъ весь пафосъ современнаго позитивистскаго человѣка съ его дерзавіями, подъемами и паденіями. Послѣдовательный атеистъ и позитивистъ онъ додумываетъ эту теоретическую позицію до ея логическаго конца и соответственно этому приходитъ къ заключенію, что на основѣ позитивнаго знанія немислимо обоснованіе общеобязательныхъ этическихъ нормъ и, слѣдовательно, «все позволено». Ницшеанецъ задолго до Ницше), Раскольниковъ строитъ, подобно ему, своеобразный биологическій аристократизмъ, гласящій что человѣчество, какъ бы дѣлится по своему био-психическому типу на два класса, качественно различныхъ и потому неравноцѣнныхъ людей, на «господъ и рабовъ», на героев и «толпу».

«Трусавая и покорная масса не разсуждая» должна де повиноваться, но убѣжденію русскаго сверхчеловѣка, классу «господъ», природныхъ властелиновъ, которые въ грядущемъ сознаніи своего духовнаго превосходства являются творцами новыхъ этическихъ цѣнностей и сметаютъ на толпу, какъ лишь на матеріалъ для ихъ дѣйствій. Эта аристократическая іерархія душъ на биологической основѣ и вытекающая изъ нея, по выраженію же самого Раскольника, «двойная нравственная бухгалтерія», является своей конечно цѣлью лишь защиту правъ исключительной личности въ ея борьбѣ съ притязаніями общества и съ его уравниловными, общеобязательными этическими нормами. «Каждый рѣшаетъ про себя, кто онъ», принадлежитъ ли онъ классу господъ или рабовъ. Раскольниковъ и подлагаетъ, что онъ какъ исключи-

*) «Преступленіе и Наказаніе» было напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ 1866 году, слѣдовательно, задолго до появленія «По ту сторону добра и зла», «Генезиса морали» и «Такъ говорилъ Заратустра» появившихся въ 80-тые годы.

тельнымъ достоинствомъ имѣть право «осмѣлиться» и переступить за грани общепринятой морали. Но его собственному замечанію «онъ убилъ не старуху-процентщицу, а лишь прицѣпъ» общеобязательной морали. До послѣдней минуты, даже и на каторгѣ, онъ не смиряется, не сознаетъ своей виновности. Трагедія Раскольника заключается не въ укорѣхъ совѣсти, а лишь въ скорбномъ и униженномъ для него осознаніи, что онъ не оказался «героимъ», подлиннымъ сверхчеловѣкомъ. Въ этой своеобразной области не вѣдомъ. Въ этой своеобразной области установлена его теорія. Разъ теоретически установлено, что нѣтъ никакой общеобязательной морали, то, слѣдовательно, нѣтъ грѣха въ его поступкѣ. Нѣтъ никакого этического трибунала, которому надлежало-бы дать ему отчетъ. Мы видимъ, что еще въ 60-е годы Достоевскій, быть можетъ, первый въ Европѣ пытался показать, какъ на основѣ атеистическаго и натуралистическаго окрашеннаго позитивизма можно построить своеобразную аристократическую этику, которая рѣзко отмежевывается отъ этики общечеловѣческой въ цѣляхъ защиты правъ исключительной, самоубыточной личности противъ уравниловныхъ притязаній общества. Но въ отлчіе отъ Ницше Раскольниковъ и его аристократическій и аморальный индивидуализмъ былъ лишь этапомъ къ духовному развитію Достоевскаго. Вѣрнѣе было — бы сказать, что проблема сверхчеловѣка, какъ она изобразена въ «Преступленіи и Наказаніи», являлась для Достоевскаго лишь критическимъ приемомъ для раскрытія всей недостаточности и даже моральной опасности атеистическаго позитивизма въ его послѣдовательномъ примѣненіи къ сферѣ практической. И действительно, если оставить въ сторонѣ его дальнѣйшія философскія романы: «Идиотъ» и «Бѣсы», гдѣ также трактуются проблема сверхчеловѣка, но въ менѣе яркой и выпуклой формѣ, чѣмъ въ «Преступленіи и Наказаніи», то уже въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», въ лицѣ Ивана, мы опять встречаемся съ яркимъ и убѣжденнымъ представителемъ демократическаго индивидуализма, какъ бы продолжающаго линію «подпольнаго человѣка», но уже во значительно инымъ и болѣе сложнымъ мотивамъ.

И действительно, психологія Ивана и его міро- и живезозрѣніе чрезвычайно сложны и запутаны, ибо состоятъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, изъ весьма разнородныхъ элементовъ. Ивана нельзя уже считать, подобно Раскольникову, чистымъ и послѣдовательнымъ позитивистомъ. Какъ и Раскольниковъ онъ не вѣритъ ни въ Бога, ни въ безсмертіе и умопачужаетъ отсюда какъ и онъ, что этикъ самымъ уничтожается основа для всякой общеобязательной морали и соответственно этому даже крайній эгоизмъ со всеми его ужасными послѣдствіями можетъ почитаться

Въ религіозно-этическомъ ученіи Зосимы Пустоевскій, какъ-бы воскрешаетъ заложен- ный въ христіанствѣ гуманизмъ, или говоря чнѣе, религіозно-нравственный идеализмъ евангелія, освободивъ его отъ застывшихъ церковныхъ догмъ. Въ этомъ и заключается непреходящее значеніе, какъ религіознаго мыслителя.

Мих. Шварцъ.

Бернардъ Келлерманъ

„Deutsches Opernhaus“. — Сегодня 12 ноября 2-ая гастроль

арт. б. Импе-
рат. театровъ

Д. А. СМОРДНОВА

въ оп. **ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.**

ВСѢ БИЛЕТЫ ПРОДАНЫ.

Четвергъ 17 ноября 3-я и послѣдняя гастр. „Риголетто“ Импрессарио С. Гросбаумъ.

